

КОЛОНИЗАЦИЯ В МАНЬЧЖОУ-ГО

Виктор Алексеевич ГАЙКИН,
кандидат исторических наук

В течение всего существования марионеточного государства Маньчжоу-Го Япония с разной степенью успеха реализовывала всевозможные программы заселения Маньчжурии японскими и корейскими сельскохозяйственными колонистами (Корея до 1945 г. являлась частью японской колониальной империи). Самый циничный проект появился в журнале «Дайямондо» (1932. №10): «Вооруженная крестьянская эмиграция возможна лишь силами японцев. Корейцы скорее могут быть использованы здесь лишь в качестве батраков. Их следует заставить заниматься рисосеянием — работой, уготованной им природой. Японо-корейская эмиграция в Маньчжурию может быть осуществлена переселением из Японии 500 вооруженных крестьянских семей, которые будут использовать как батраков 500 семей корейцев, ояпонивая их». Этот план слишком диссонировал с демагогическими заявлениями об общности судеб народов Восточной Азии, поэтому не мог быть принят к реализации.

Организованное, направленное вселение японских крестьян началось уже в 1932 г. (корейцев только с 1937 г.). С помощью корейских колонистов, контролируемых японскими компаниями, предполагалось решить проблему обеспечения продовольствием как населения самой Японии, так и японскую армию в Маньчжурии. Программа японской колонизации была многоцелевой. Предполагалось решить проблему аграрного перенаселения Японии; создать «спокойные районы», свободные от партизанского влияния; заселить лояльным населением приграничные с СССР территории, одновременно создав резерв рекрутов для японских армейских частей в Маньчжурии; заселять окрестности промышленных центров для обеспечения их безопасности, а также организовать строительство нового государства с участием всего народа, состоящего из разных национальностей, ядром которого стали бы японские сельскохозяйственные переселенцы¹. Интересно, что поставки товарного зерна практически не включались в данную программу.

В истории японской колонизации можно выделить три этапа: 1932—1936, 1937—1941, 1942—1945 гг. Первый этап называли опытным (разведочным), второй — периодом довольно успешного заселения, третий — постепенного упадка колонизационного процесса. В 1932—1936 гг. многие районы Маньчжурии были охвачены пламенем антияпонской борьбы, в которой принимали участие самые разные силы от старой китайской армии до коммунистических партизан. Переселение японцев осуществлялось в русле борьбы с партизанским движением. Это были сравнительно небольшие, хорошо вооруженные группы колонистов, поселившихся на границах партизанских районов. После «умиротворения» населения (читай — карательных операций) в задачи переселенцев входили: предупреждение перехода местных китайских крестьян

на антияпонские позиции; установление контроля над китайскими отрядами самообороны (крестьянские формирования защиты от хунхузов); конфискация оружия у крестьян; сотрудничество с японскими армейскими частями².

С одной стороны, японские переселенцы выполняли отчасти жандармские функции, противодействуя партизанам. С другой — само их вселение зачастую вызывало возмущение местного населения, называвшего колонистов «военными бандитами», что было естественно, поскольку японские «культурные хозяева» прославились насилием и грабежами. Переселенцы занимали не только пустующие земли, но и нередко земли, конфискованные у китайских крестьян, что приводило к стычкам и даже восстаниям.

Удобным поводом для захвата земель в Маньчжурии была политика «разделения партизан и населения» (изоляция повстанцев) посредством создания нежилых зон, окружавших партизанские районы. На плодородные земли этих районов вселяли японских колонистов. Японские авторы даже после войны отрицали факты занятия их переселенцами уже обработавшихся земель, настаивая на том, что осваивалась лишь целина. На самом деле, например, 37% земель, занятых японскими колонистами в 1940 г., были ранее обработанными участками³. Общая площадь пахотных земель, захваченных в Маньчжурии для японских колонистов на 1941 г., в 3,7 раза превышала весь пахотный фонд Японии⁴.

Самым известным «инцидентом», связанным с захватом земель, стало восстание китайских крестьян в местечке Тугуйшань, начавшееся в марте 1934 г. Причиной послужили слухи (небеспочвенные) о готовящихся масштабных конфискациях земли. В результате был создан крестьянский отряд численностью 500 чел., вооруженный легким стрелковым оружием во главе с Се Вэньдун. Повстанцы стали называть себя Северо-Восточной народной армией самообороны. Общее число крестьян, так или иначе участвовавших в восстании, составило 6—7 тыс. человек. Был уничтожен японо-маньчжурский отряд, прибывший с карательными целями, атакованы деревни японских переселенцев (первого заезда), позже второго заезда, которые несколько недель находились в осаде. Многие колонисты погибли. После прибытия японской артиллерии, при поддержке с воздуха осаду 20 мая сняли.

Руководителями восстания стали начальник местного отряда самообороны Се Вэньдун и руководитель сельскохозяйственного общества, относившиеся к местной помещичье-купеческой прослойке. Судьба Се Вэньдуна сложилась следующим образом. В 1935 г. его отряд перерос в так называемую 6-ю армию Северо-Восточной объединенной антияпонской армии, контролируемой коммунистами. В период спада антияпонского движения, в марте 1939 г. сдался японцам. Крестьянские бунты, вызванные конфискациями земли, мародерством японских колонистов, возникали и в других уездах, например в уезде Мишань, где был размещен заезд 1936 г.⁵

Компетентные японские органы регулярно проводили совещания, на которых обменивались опытом, анализировали ошибки, намечали очередные цели колонизации. Первое провели в январе 1932 г. сразу после японской оккупации Маньчжурии. Следующее — в феврале 1933 г., на котором были сформированы органы управления переселенческим движением — переселенческие отделы. Интересно, что у руля управления иммиграцией стоял «особый отдел» Квантунской армии. Содействие оказывали японское посольство, корейское генерал-губернаторство, министерство колонизации. Как утверждал японский чиновник: «Чтобы переселить один двор в Маньчжурию, требуется 4—5 тыс. иен. Для бюджета это тяжелая ноша»⁶.

После восстания крестьян в Тугуйшане особый отдел Квантунской армии провел в Синьцзине конференцию по проблемам колонизации (ноябрь-декабрь 1934 г.), которая получила название «Первая конференция переселенцев». Было признано, что колонисты, основная задача которых поддерживать порядок, своими действиями зачастую сами вызывают беспорядки. Тем не менее колонизацию было решено продолжать. В апреле 1936 г. тот же особый отдел провел вторую конференцию, которая приняла масштабный 20-летний план переселения 1 млн. дворов (5 млн. чел.). В августе 1936 г. японское правительство приняло этот план к реализации⁷. Одновременно руководство колонизацией перешло от Квантунской армии к специально созданной в 1936 г. «Маньчжурской колонизационной компании» (Мантаку). Свои капиталы в «Мантаку» вложили такие фирмы, как Мицуи, Мицубиси, Сумитомо.

Основной задачей первых пяти вселений (1932—1936 гг.) было содействие войскам в антипартизанской борьбе. В 1937 г., в связи со снижением активности партизан из-за перманентных карательных операций японской армии произошла частичная смена приоритетов. Больше внимания стало уделяться собственно сельскохозяйственным целям. Тем не менее борьба с партизанами и соответственно вселение в партизанские районы считались основными задачами до 1939 г. (8-й заезд). Радикальное изменение политики вселения началось с 1940 г. по двум причинам: японской армии удалось к этому времени в основном подавить антияпонское партизанское движение; в связи с подготовкой агрессии против СССР на повестку дня встала задача заселения приграничных с СССР территорий японским населением. Забегая вперед, скажем, как к концу войны распределялись колонизационные потоки: 50% колонистов направлялись к границам с СССР, 40% в партизанские районы, 10% селили вокруг промышленных центров⁸.

Как уже говорилось, первый заезд так называемых «коллективных колонистов» (сюдан имин) был осуществлен в 1932 г. (301 двор). Они засеяли 400 га, однако из-за болезней переселенцев и нападений партизан урожай собрали только на половине этой площади. В 1933 г. состоялся второй заезд (467 дворов). Засеяно было столько же, но результаты хуже, чем у первого заезда (в результате восстания в Тугуйшане).

3-й заезд	1934 г.	225 дворов
4-й	1935	454
5-й	1936	1038

Из вселившихся за эти пять лет реально остались только 2310 дворов. С 1937 г. началась реализация 1-го пятилетнего плана колонизации. Кроме «коллективных колонистов» появились «организованные переселенцы» (сюго имин), отличавшиеся от первых меньшей опекой властей и меньшим финансовым обеспечением.

6-й заезд	1937 г.	3618 дворов (сюдан)	54 двора (сюго)
7-й	1938	3949	611
8-й	1939	6096	928
9-й	1940	6455	2578
10-й	1941	3248	1190

В 1942 г. был принят 2-й пятилетний план колонизации (1942—1946 гг.), согласно которому планировалось переселить в Маньчжурию 136800 дворов коллективных и организованных японских колонистов. Наметки как первого, так и второго пятилетнего плана достигнуты не были. В 1942 г. состоялось вселение 2026 коллективных и 584 дворов организованных колонистов. С 1932 г. до конца 1943 г. вселено всего 30211 дворов (108108 чел.) коллективных и 5860 дворов (22651) организованных переселенцев. Кроме этих двух типов

были так называемые дисперсные переселенцы (бунсан имин), коих до конца 1943 г. переселилось 1625 дворов (7908 чел.), «молодежный корпус» (гиютай) — 24054 чел., «деревни самообороны» (дзикэйсон) 381 двор (1606 чел.). Общее число колонистов — 164327 чел.⁹

Всего до конца войны в Маньчжурии оказалось 102 тыс. дворов сельскохозяйственных переселенцев (220 тыс. чел.), что составляло 1,8% от 5500 тыс. дворов аграрного населения Японии¹⁰. (Таким образом, можно сказать, что земельная проблема в японской деревне не была решена). 46 тыс. чел. умерли и погибли в Маньчжурии; 34 тыс. чел. оказались в плену в СССР; пропали без вести 36 тыс.; благополучно вернулись в Японию 110 тыс. чел.¹¹

В августе 1936 г. правительство Маньчжоу-Го и корейское генерал-губернаторство приняли «Программу руководства маньчжурскими корейцами»¹², что положило начало планомерному контролируемому переселению корейцев в Маньчжурию. Для этого были созданы две компании: 9 сентября 1936 г. в Сеуле — «Корейско-маньчжурская колонизационная компания», 14 сентября 1936 г. в Синьцзине — «Маньчжуро-корейская колонизационная компания». Функции первой: вложение капитала, работа с переселенцами в Корею (отбор, выдача ссуд на переселение). Функции второй компании — работа с переселенцами в Маньчжурии: расселение и контроль, концентрация уже живущих в стране корейцев, мероприятия по созданию собственных хозяйств корейцев в Маньчжурии (закупка земли, выдача ссуд и пр.).

Конкретизируя программу, нужно сказать, что в год намечалось вселить до 10 тыс. дворов корейцев. Районы вселения новых иммигрантов — Цзяньдао и 18 уездов Дунбяньдао (территория, прилегающая к р. Ялуцзян). Живущих в маленьких деревнях и хуторах корейских крестьян приграничных районов предполагалось выселять в определенные пункты, чтобы помешать снабжению продовольствием партизанских отрядов, а также создать вдоль границ с СССР нежилую зону¹³.

В середине 1937 г. в программу внесли изменения. Ввиду уменьшения активности партизанских отрядов прекратилось насильственное переселение крестьян пограничных районов, были приняты меры к их закреплению в родных местах. Многие корейские иммигранты селились за пределами предназначенной для них зоны, поэтому в добавление к поощряемым местам (Цзяньдао, Дунбяньдао) была создана зона, открытая для вселения корейских крестьян: близлежащих 16 уездов шести провинций.

Таким образом, в плане переселения корейцев вся Маньчжурия была разделена на три зоны. Первая — зона поощряемого вселения — 23 уезда Цзяньдао и Дунбяньдао. Вторая зона включала 16 уездов провинций Ляонин, Цзилинь, Биньцзян, Муданьцзян, Лунцзян, Аньнань¹⁴. Сюда въезд корейцев разрешался, но особенно не стимулировался. И, наконец, третья зона — вся остальная территория Маньчжурии, запретная для вселения новых корейцев.

Такое районирование было вызвано, во-первых, желанием не расплыть корейские хозяйства в Маньчжурии, создать зону с преимущественно корейским населением вдоль границы с Кореей со стратегическими соображениями. Вторая причина открывается, если посмотреть на земли, годные для выращивания заливного риса. В первой зоне находилось 846529 т¹⁵ из 993494 т¹⁵ земель в Маньчжурии (85% годных для возделывания заливного риса, но еще не обрабатывавшихся). Прибавив 29469 т¹⁵ такой земли во второй зоне, мы получим почти 90%. Вся эта земля могла быть «поднята» и обработана корейцами¹⁶.

Зональное поселение корейцев было связано с японской колонизацией Маньчжурии. В том же году (1936) вместе с корейскими компаниями была

создана «Маньчжурская колонизационная компания», специализировавшаяся на переселении в Маньчжурию японцев.

Рассматривая зоны с точки зрения увязки японского и корейского переселения, видим, что вторая зона является как бы промежуточной между первой (исключительно корейской) и третьей, предназначенной только для японцев. Во второй зоне могли селиться как корейские, так и японские колонисты. Третья, японская зона, — пояс Северной Маньчжурии с центром в Харбине, бассейн р. Сунхуацзян, Северо-Восток Маньчжурии (провинции Саньцзян, Муданьцзян, Биньцзян и берега реки Ляохэ)¹⁷. Японская зона была расположена у границ СССР и имела выраженное военно-стратегическое значение.

Если первоначальные капиталы «Маньчжуро-корейской колонизационной компании» и «Маньчжурской колонизационной компании» были равны и составляли по 1,5 млн. иен., то уже в августе 1937 г. капитал последней был увеличен до 5 млн. иен. Эта финансовая поддержка говорила о предпочтении, отдаваемом японским колонистам¹⁸.

В 1937 г. из Кореи в Маньчжурию организовано выехали 2339 семей (12159 чел.), которые были помещены в 29 поселков уездов Аньту, Ванцин, Яньцзи и в 3 поселка уезда Инкоу¹⁹.

Была выработана программа на 1938 г., согласно которой намечалось вселить 5 тыс. семей (25 тыс. чел.) так называемых коллективных корейских переселенцев, которых планировалось отправлять группами в специально построенные поселки. Кроме этого, планировалось отправить в 23 уезда зоны поощряемого вселения 3 тыс. «свободных» переселенцев²⁰. Забегая вперед, скажем, что въехали в 1938 г. 2799 «коллективных» (14198 чел.) и 3156 дворов организованных (9958 чел.) переселенцев, всего 5955 семей²¹.

В 1938 г. было впервые осуществлено вселение свободных иммигрантов. Всем им выдавались документы на въезд, но деньги на дорогу, питание, аренду земли, поднятие целины и пр. они должны были обеспечивать себе сами. Отличие их от иммигрантов, ранее по собственной инициативе переселявшихся в Маньчжурию, в том, что правительство пыталось контролировать и управлять этими переселенцами. Создание собственных хозяйств в 1938 г. планировалось в основном в поселках, расположенных и строящихся в районах железных дорог Синьцзин — Шэньян, Шэньян — Цзилинь, Мэйхэкоу — Тунхуа, Синьцзин — Дунхуа с целью создания здесь пояса, населенного лояльными корейцами для предотвращения диверсий. В эти районы намечалось вложить большие средства. Предполагалось закупить 11220 тё земли, затратив на нее, а также ссуды корейским колонистам 3 млн. иен.; планировалось создать 740 хозяйств крестьян-собственников²². Земля записывалась на компанию, и до тех пор, пока кореец не выплачивал всю ссуду с процентами, он фактически оставался на положении крепостного крестьянина японских колонизаторов.

Опыт первых поселений вызвал необходимость изменить и дополнить программу переселения корейцев. Так, на первом этапе люди делились на коллективных и свободных колонистов. При этом содействие оказывалось только коллективным. Свободные колонисты, как и до 1931 г., выезжали на свой страх и риск, зачастую без средств к существованию. В 1937 г. на конференции общества «Кёвакай» (организация с некоторыми функциями политической партии) отмечалось: «Количество свободных переселенцев в этом году очень велико. В Корее часты стихийные бедствия, потеря работы, трудная жизнь — причины эмиграции. Свободные переселенцы обычно без гроша в кармане и еще везут с собой семьи. Жить им негде, скитаются с места на место., необходимо проводить политику, направленную на решение этих проблем, обеспе-

чить всем этим скитальцам нормальное существование²³. На этой же конференции отмечались неудобства, связанные с ограничением районов вселения корейских иммигрантов 23 уездами 1-й зоны и 16-ю уездами 2-й зоны, что мешало росту числа иммигрантов²⁴.

Чтобы полностью контролировать расселение в Маньчжурии корейских крестьян, японцы стали выдавать каждому эмигранту документ, разрешающий переселение. Неимевшие такой бумаги, иммигрировавшие самовольно в Маньчжурию не допускались и с границы отправлялись назад в Корею. На конференции «Кёвакай» 1938 г. отмечалось: «На станции Аньдун ежедневно задерживают и отправляют обратно в Корею по 40—50 корейских крестьян, не имеющих документов на въезд»²⁵.

В июле 1938 г. комитет по колонизации принял новую «Программу работы с корейскими крестьянами», снимавшую территориальные ограничения на расселение корейцев в Маньчжурии. Все они стали делиться на 3 класса по сравнению с прежним делением на 2 класса. Первый класс — «коллективные переселенцы» (наиболее «привилегированная» категория). В соответствии с программой им должно было оказывать всяческое содействие корейское генерал-губернаторство. «Компания» обеспечивала ссуду на проезд, предоставляла начальный сельскохозяйственный капитал. Впоследствии из коллективных переселенцев планировалось создавать хозяйства крестьян-собственников. Отбор переселенцев производился администрацией провинций Кореи. Необходимым условием было наличие в семье двух или более трудоспособных мужчин. Второй класс — организованные переселенцы. Их отправляли на земли поближе к переселившимся ранее крестьянам для увеличения поселков и расширения посевных площадей. Въезд осуществлялся также группами, но все расходы были заботой самих крестьян. Земля давалась в собственность или аренду.

Третий класс — это «дисперсные» переселенцы. Так стали называться свободные крестьяне-переселенцы 1938 г. Дисперсные переселенцы ехали на свои кровные по приглашению родственников или знакомых в Маньчжурии, с разрешения корейского генерал-губернаторства и только при наличии документа на въезд. Чтобы стимулировать контролируемое переселение, была установлена скидка на проезд по железной дороге для тех, кто имел документы на въезд.

В 1939 г. наплыв переселенцев оказался рекордным. Общее их число составило 51994 чел., из них коллективных переселенцев было 4845 семей (20085 чел.), дисперсных — 7231 семья (27056 чел.)²⁶.

В январе 1939 г. в Синьцзине открылась большая японо-маньчжурская конференция по колонизации. Она продолжалась с перерывами почти год. В результате в декабре 1939 г. японское правительство и «правительство» Маньчжоу-Го приняли и опубликовали «Основную программу освоения Маньчжурии»²⁷. В ней было 26 пунктов, охватывающих различные аспекты. Главным принципом по отношению к корейским переселенцам было то, что они в плане численности, экономической помощи приравнивались к японским колонистам. Другие пункты программы предусматривали переселение ежегодно до 10 тыс. корейских семей (а в будущем еще больше), из которых более половины должны были составлять коллективные и организованные переселенцы.

Первые возводились в ранг и условия японских коллективных колонистов, а вторые поднимались в разряд старых коллективных колонистов (корейцев). Причиной повышенного внимания к корейцам был неуспех японской колонизации. (До 1941 г. удалось переселить только 85 тыс. японских сельских колонистов²⁸). В 1940-м, первом году работы по исправленной программе,

в Маньчжурию переселились 4608 семей (15479 чел.) коллективных и организованных колонистов и 1842 семьи (7206 чел.) дисперсных²⁹. Это четырехлетие (1937—1940 гг.) было периодом активной и довольно успешной деятельности японских переселенческих организаций, в сети которых попадали разоренные и не имевшие средств к существованию корейские крестьяне.

Подготовка к агрессии против СССР, к войне на Тихом океане, а затем и сама война, развязанная японским империализмом в декабре 1941 г., заметно отразились на амбициозных планах колонизаторской деятельности. С августа 1940 г. до июня 1941 г. осуществлялось слияние в единое целое двух компаний — «Маньчжуро-корейской колонизационной компании», занимавшейся корейцами, и «Маньчжурской колонизационной компании», специализировавшейся на переселении японцев. Объясняли это необходимостью централизации руководства переселением после повышения статуса корейцев до уровня колонистов-японцев.

Настоящая же причина слияния — это стремление сэкономить, сократить штат и другие расходы на корейских колонистах, за счет чего увеличить финансовую поддержку японским переселенцам. Так, в аппарате новой компании в 1942 г. только производственный отдел имел сектор, специализировавшийся на корейской иммиграции³⁰. Экономия коснулась и основной деятельности компании. В 1941 г. планировалось переселить 2000 семей коллективных и 4000 организованных эмигрантов-корейцев³¹. Было вселено только 763 семьи колонистов — 3702 чел. (шестикратное уменьшение в сравнении с 1940 г.) и 1969 семей дисперсных переселенцев³².

Интересно рассмотреть изменение, а точнее расширение географии направленного заселения Маньчжурии корейцами. В 1937-м, первом году контролируемого заселения Маньчжурии, их поселяли только в две провинции — Цзяньдао (главным образом) и в Цзиньчжоу. В 1938 г. прибавились Цзилинь и Тунхуа. В 1939 г., после отмены строгих территориальных ограничений на вселение корейцев они появились в провинциях Биньцзян, Ляонин, Муданьцзян, Лунцзян — бывшая «промежуточная» зона. В 1940 г. географию «коллективных» и «организованных» переселенцев пополнили провинции Синаньнань и Бэйань. Причем именно на них падало 3/4 годового вселения. В 1941 г. число переселенцев было невелико, поэтому вселяли их только в три провинции — Бэйань, Цзилинь, Ляонин³³, а в 1942 г. в провинции Хэйхо, Бэйань, Цзилинь, Цзяньдао³⁴. Коллективным и организованным переселенцам 1944 г. предлагались провинции Тунхуа, Цзяньдао, Санцзян, Лунцзян, Ляонин, Дунган, Хэйхо³⁵.

Тенденция к расширению территории вселения была свойственна и дисперсным переселенцам с той разницей, что их география была шире, так как вселение было неконтролируемое и ненаправленное.

Переориентация финансов на тихоокеанскую войну и подготовку агрессии против СССР отразилась и на программе превращения корейцев-арендаторов в крестьян-собственников — им давали ссуду на покупку земли. По годам это выглядело следующим образом: в 1937 г. было создано 1513 хозяйств собственников, в 1938 г. — 1786, в 1939 г. — 2851. С 1940 г. начинается свертывание программы: в 1940 г. — 1000, в 1941 г. — 425, в 1942 г. — около 1000. Всего — 8575 хозяйств крестьян-собственников³⁶.

С 1942 г. начал осуществляться 2-й пятилетний «план освоения Маньчжурии», основной целью которого было ускоренное превращение Маньчжурии в базу агрессии против СССР. Пункты этого плана, относящиеся к корейцам, предусматривали ежегодно вселять по 10 тыс. семей³⁷. Однако на практике из-за нехватки средств программа постепенно сокращалась. Подготовка к войне с СССР включала в себя заселение пограничных с Советским Союзом

районов Маньчжурии лояльными колонистами. В 1941 г. северные провинции Лунцзян, Санцзян, Биньцзян были объявлены территорией первоочередной колонизации, имеющей государственное значение³⁸. Колонисты-японцы в этом плане котировались выше корейцев. Кроме того, разоренные на родине, выталкиваемые из деревни корейские крестьяне были вынуждены эмигрировать в Маньчжурию. Для переселения японских крестьян нужна была поощрительно-финансовая политика.

На 1942 г. намечалось переселить 2500 семей коллективных и организованных переселенцев и 5000 дворов дисперсных иммигрантов. Было переселено соответственно 2027 семей (9293 чел.) и 6356 семей (13732 чел.)³⁹. В 1943 г. в Маньчжурию выехали 1046 семей коллективных переселенцев-корейцев⁴⁰. На одновременное осуществление двух программ колонизации — японской и корейской у компании не хватало финансов. Военно-политические аспекты подготовки к агрессии взяли верх, предпочтение было отдано японским колонистам. В 1942 г. компания приобрела земельных участков для японских колонистов в 13 раз больше, чем для корейцев. Расходы на японскую колонизацию составили в 1942 г. 114 млн. иен, на корейскую — 26 млн. иен. Примерно такое же соотношение затрат планировалось на 1943 и 1944 годы⁴¹.

В 1943 г. капитал компании увеличился до 130 млн. иен, пайщиками стали японское правительство, «правительство» Маньчжоу-Го, Корейское генерал-губернаторство, ЮМЖД, японские концерны Мицуи, Мицубиси, Сумитомо. На 1944 г. планировалось переселить 26000 японских семей и только 3000 корейских (в эту цифру не включены дисперсные корейцы)⁴².

В 1940 г., по официальным данным, в Маньчжурии насчитывалось 1056308 корейцев,³⁵ в 1942 г. — 1200 тыс. чел.³⁶ В 1945 г. корейское население Маньчжурии составляло 1,4—1,5 млн. чел. В 1940 г. 83,5% работающих женщин и 70,7% работающих мужчин занимались сельским хозяйством³⁷. Повышение в начале 40-х годов доли корейцев, занятых в несельскохозяйственном секторе, связано с ростом числа корейцев-чиновников, мелких торговцев, рабочих, а также с ввозом корейских чернорабочих для строительства военных объектов.

В 1944 г. в Маньчжурии насчитывалось 24000 семей коллективных и организованных колонистов³⁸. (10% корейцев, занятых в сельском хозяйстве). Все они экономически полностью зависели от японских организаций, которые снабжали корейцев предметами первой необходимости, сельхозинвентарем, забирая практически всю товарную часть урожая. Если учесть, что земля, которую обрабатывали корейцы, принадлежала японским компаниям, то положение этих крестьян мало чем отличалось от крепостной зависимости. Кроме того вся провинция Цзяньдао, где концентрировалось около половины маньчжурских корейцев (с японским губернатором, японскими чиновниками, возглавлявшими ключевые управления провинции — полицейское и др.), была скорее придатком Кореи, чем частью Маньчжурии.

В системе колонизации Маньчжурии японские поселения имели военно-стратегическое значение. Они создавались у границ с СССР и должны были стать оплотом японского военно-политического влияния. Японцы имели оружие, большую часть времени занимались военной подготовкой. Корейские же переселенцы не пользовались доверием колонизаторов. Их поселениям отводилась роль хозяйственной базы японской экспансии.

¹ «Рэкиси хёрон». 1962. №7. С.64, 68.

² Там же. С.73.

³ Там же. 1962. №10. С.75.

⁴ «Рэкисигаку кэнкю». 1977. №451. С.61.

- ⁵ «Рэкиси хёрон». 1962. №7. С.74, 75.
- ⁶ То же. 1962. №9. С.67.
- ⁷ Там же.
- ⁸ «Рэкисигаку кэнкю». 1977. №451. С.62.
- ⁹ Мансю кайтаку нэнкан (Ежегодник колонизации Маньчжурии). Синьцзин, 1944. С.280, 281, 129, 130.
- ¹⁰ «Рэкисигаку кэнкю». 1977. №451. С.65.
- ¹¹ «Рэкиси хёрон». 1962. №10. С.77.
- ¹² Мансю кайтаку нэнкан (Ежегодник колонизации Маньчжурии). Синьцзин, 1942. С.66.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Мансю тэйкоку кёвакай котоку ённэндо дзэнкоку рэнго кёгикай (Всеманьчжурская конференция общества Кёвакай 1937 г.). Б.м., 1937. С.57.
- ¹⁵ 1 тё= 0,99 га.
- ¹⁶ Мансю имин мондай то дзиссэки тёса (Проблемы переселения в Маньчжурию и результаты обследования). Токио, 1937. С.63.
- ¹⁷ Там же. С.63.
- ¹⁸ Мансю кайтаку нэнкан. 1944. С.52.
- ¹⁹ Мансю ногё имин гайсецу (Краткий очерк переселенцев в Маньчжурии). Дайрэн, 1939. С.82.
- ²⁰ Котоку ённэндо такусэй сюмуся утиаи кайги гидзироку (Материалы конференции по проблемам колонизации 1937 г.). Б.м., 1938. С.49.
- ²¹ Мансю тэйкоку гайран. (Обзор Маньчжурской империи). Чанчунь, 1940. С.373.
- ²² Котоку ённэндо такусэй... С.49, 50.
- ²³ Мансю тэйкоку кёвакай котоку ённэндо дзэнкоку рэнго кёгикай. (Всеманьчжурская конференция общества Кёвакай 1937 г.). Б.м., 1937. С.57.
- ²⁴ Там же. С.112.
- ²⁵ Мансю тэйкоку кёвакай котоку гонэндо дзэнкоку рэнго кёгикай. (Всеманьчжурская конференция общества «Кёвакай» 1938 г.). Б.м., 1938. С.271.
- ²⁶ Мансю тэйкоку гайран. С.373.
- ²⁷ Мансю кайтаку нэнкан. 1942. С.204.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Мансю кайтаку нэнкан, 1942. С.204.
- ³⁰ Там же. С.66.
- ³¹ Котоку ситинэндо кайтаку тётё кайги гидзироку (Совещание начальников управлений колонизации 1940 г., протоколы). Цзяньдао, 1940. С.281.
- ³² Мансю кайтаку нэнкан, 1942. С.204.
- ³³ Там же. С.204.
- ³⁴ Мансю кайтаку нэнкан, 1944. С.135.
- ³⁵ Мансю кэйсацу гайё. (Обзор полиции Маньчжоу-Го). Шэньян, 1940, вклейка 1.
- ³⁶ Мансю кайтаку нэнкан. 1942. С.70.
- ³⁷ Irene V. Taeuber. Op cit. P.194
- ³⁸ The Manchuria daily news. 19.5.1944.

SUMMARY. The author of the article, Candidate of Historical Sciences, distinguishes three stages in the history of colonization. The first is called an experimental one; the second is the period of its successful settlement; the third is the period of gradual decline of the colonization process. Since 1932 this process has been going simultaneously with partisan movement. The most well-known «incident», connected with the capture of lands, was the uprising of Chinese peasants in Tuguishan territory (1934). Later much attention was paid to the proper agricultural purposes. In 1942 there was adopted the second-five-year plan of the colonization (1942—1946). And in 1944 in Manchuria there were 10% of Koreans working in agriculture. They are 24000 families of collective and organized colonists. All they completely depended on the Japanese organization. In the system of colonization of Manchuria Japanese settlements had also military-strategic significance, — states the author of the article. They were organized at the borders with the USSR and ought to be of military-strategic significance.